

Л. Преснякова

Скромное обаяние криминала против тщетных усилий тюрьмы

Криминальная субкультура и повседневность

Элементы криминальной субкультуры сегодня так или иначе присутствуют во всех сферах жизни российского общества – от повседневной жизни до правил организации экономической и политической “игры”, от межличностных отношений до социальных институтов.

Самым ярким примером присутствия этой субкультуры в повседневной жизни является повсеместное использование блатного жаргона. Феню, по их признанию, *“постоянно используют, вольно или невольно”* большинство наших респондентов (они обнаружили знакомство со многими колоритными арготизмами*).

“Вся феня, она в жизнь перешла” (ДФГ, Воронеж).

“Руководитель страны красивую фразу сказал – тоже на блатном жаргоне” (ДФГ, Москва).

Помимо жаргона существуют и другие ретрансляторы уголовной субкультуры в повседневную жизнь. В частности, мощнейшим из них становятся средства массовой информации – в пореформенные годы криминальные новости и сводки о бандитских “разборках”, “просвещающие” аудиторию относительно норм и порядков криминальной среды, занимают значительное место в медийном и печатном пространстве.

Криминальная субкультура в последние годы масштабно проникает и в массовый культурный продукт – художественные фильмы и сериалы, блатные песни, звучащие по радио, в ресторанах, кафе, транспорте, детективы и боевики (которыми завалены все книжные прилавки**), даже в рингтоны для мобильных телефонов.

“В последнее время по телевидению все время показывают то “Менты”, то “Бригаду” – ну, сериалы, где кто-то кого-то ловит... Сплошные криминальные образы... Причем, когда заканчивается криминальный сериал, начинаются криминальные новости. То есть сплошной криминал” (ДФГ, Санкт-Петербург).

По данным общероссийского опроса населения 16–17 июля 2005 года в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон страны. Метод опроса – интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. 1500 респондентов. Фокус-группы проводились 2 августа 2005 года в Воронеже, Москве и Новосибирске.

* Участники фокус-групп довольно уверенно объясняли значения таких слов, как “клево”, “баклан”, “блатной”, “крысятничество”, “петух”, “козел”, “опускать”, и др.

** По данным за 2002 год, литературу такого жанра предпочитают 12% россиян. См.: Преснякова Л. Человек читающий // Доминанты. Поле мнений. 2002. № 33 (<http://www.fom.ru>)

“Это радио “Шансон” включайте... Вы зайдете в обычное летнее кафе, просто там вот пиво где пьют, – там постоянно вот эти блатные песни, или в такси”* (ДФГ, Москва).

“Вот, например, “Бригада” фильм – после него идет сразу саундтрек... Едет любя машина... – играет этот триплекс... Потом фильм “Бумер” был – все, едут “бумеры”, играет эта музыка. Сколько еще фильмов! “Бандитский Петербург” – играет мелодия. На телефонах играет “Мурка”, то есть это везде и кругом” (ДФГ, Воронеж).

В самое последнее время мощнейшим “шлюзом” для экспансии ценностей и норм криминального мира в социокультурное пространство обычных граждан становится именно телевидение – на основных российских телеканалах (“Первый”, “Россия”, НТВ) выходят такие фильмы и сериалы, как “Брат” (и “Брат-2”), “Бригада”, “Бандитский Петербург”, “Ледниковый период”, “Бумер”, “Менты” и др., подробно живописующие криминальные нравы и порядки; причем большая часть этих фильмов романтизируют образы именно бандитов и преступников, а отнюдь не борцов с криминалом**.

“А наши фильмы сейчас посмотреть, “Бригада”, “Бандитский Петербург”: бандиты – это круто, это хорошо” (ДФГ, Воронеж).

“Насчет “Бригады” – я согласен, что там, в принципе, возвышают кого? Бандитов, насильников” (ДФГ, Москва).

“Как бы наша жизнь вообще полукриминальная. И как бы все телевидение, все СМИ, они все пиарят вот этот образ жизни” (ДФГ, Санкт-Петербург).

При этом иммунитет общества против экспансии уголовно-криминальных норм и ценностей вовсе не выглядит устойчивым. Так, по ходу дискуссии даже те респонденты, которые соглашались, что современное российское кино нередко романтизирует образы бандитов, выражали убеждение, что такие фильмы адекватно, правдиво показывают нравы и порядки в преступной среде.

“Нет, ну, с одной стороны, это, в общем-то, романтизируют, а с другой стороны, ну, народ-то увидел правду, в конце концов, на чем это все построено, вот эта преступность” (ДФГ, Москва).

Столь “непосредственное” восприятие гражданами массового культурного продукта с криминальным оттенком – не единственный признак отсутствия у общества сопротивления в отношении экспансии уголовной нормативной системы и поведенческих практик. Другим, и куда более ярким подтверждением отсутствия такого иммунитета является то, что сегодня многие склонны считать воровской закон более справедливым и более эффективным, чем законы и правила “нормальной” жизни.

“Там, кстати, справедливости среди вот этих воровских понятий больше, нежели справедливости вот у нас, на воле. Они это четко очень... У них вот это просматривается” (ДФГ, Москва).

“Конечно, там свои законы совершенно... Причем они, кстати, справедливые законы в чем-то” (ДФГ, Москва).

* Согласно исследованиям TNS Gallup Media, радио “Шансон” в России находится на шестом месте по популярности; только в Москве среднесуточная аудитория этой радиостанции составляет 891 тыс. человек. См.: http://www.tns-global.ru/rus/data/ratings/radio/moscow/_aprel_iyun_2005/moskva.wbp. Помимо радио “Шансон” постоянно включают в свои ротации блатные песни “Русское радио-2” (15-е место по доле слушателей в общей радиоаудитории в России) и радио “Тройка” (18-е место) (http://www.tns-global.ru/rus/data/ratings/radio/russia/_fevral_aprel_2005/rossiya.wbp).

** Из перечисленных телепродуктов, пожалуй, только в сериалах “Менты”, “Ледниковый период” в позитивном свете (хотя подчас и не без иронии) представлены работники милиции, во многих остальных (“Брат”, “Бригада”, “Бумер”) главными героями выступают представители именно криминального мира, порой оказывающиеся более успешными, более справедливыми, более честными, вызывающими не осуждение, а восхищение или по крайней мере сочувствие.

В современном русском языке до сих пор присутствуют до 30% арготических слов и выражений, использовавшихся в криминальной среде еще в 30-50-е годы.

Олейник А. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: Инфра-М, 2001

Не было произведено трансформации сюжетов на криминальную тему. Вы все прекрасно знаете, что насилие и криминал – главное смыслообразующее производство с 1999 года в России, основной семиотический ресурс, задействованный нашим телевидением, а это единственный реальный источник массовых мифологем в обществе.

Даниил Дондурей.

Террор: Война за смысл.

Лекция в рамках проекта

“Публичные лекции Полит.ру”

**Закон, что паутина: шмель
проскочит, а муха увязнет.**

В. Даль. Пословицы
и поговорки
русского народа

**Не будь закона,
не стало б и греха.**

В. Даль. Пословицы
и поговорки
русского народа

Кроме того, хотя принадлежность к криминальной среде осуждается гражданами, она же интерпретируется ими как залог успешной адаптации к современным условиям.

“Я скажу такую вещь. До 80-го года там, допустим, цеховики были такие, если вы знаете... Они хорошо сидели, и по 15 лет давали им, все, а сейчас они стали бизнесменами, правильно? И сейчас называется это “бизнесмен”, это нормальное явление” (ДФГ, Москва).

“Вот он был вором в законе, а теперь – политик” (ДФГ, Воронеж).

Уголовная субкультура сегодня не только в избытке представлена в СМИ, она уже давно проникла и в поведенческие практики – их криминализированность признается респондентами не только в контексте общей ситуации в стране, но и в контексте собственного опыта.

“В принципе, у нас такая страна, что у нас с криминалом в большей или меньшей степени связано все. Любые работы, ну, я не знаю, они полукриминальные, потому что налоги идут в черную бухгалтерию, скажем так” (ДФГ, Санкт-Петербург).

1-й участник: *Тогда я честно скажу: а ведь у каждого человека в жизни были какие-то преступные мысли, просто мы их не воплощали в жизнь, вы согласны?*

2-я участница: *Конечно.*

1-й участник: *И все. А что-то был сдерживающий фактор какой-то либо какие обстоятельства, все.*

3-я участница: *Совершенно верно. Кто-то попался, кто-то – нет.*

1-й участник: *Вот и все, я тоже переступал закон.*

2-я участница: *Да все переступали”* (ДФГ, Москва).

Существующие сегодня в российском обществе социальные нормы, изрядно пропитанные, как было показано выше, криминальным духом, формально-юридическому закону отводят весьма незначительное место. Закон, олицетворяемый УПК или Конституцией, не воспринимается гражданами как эффективный регулятор социальной жизни.

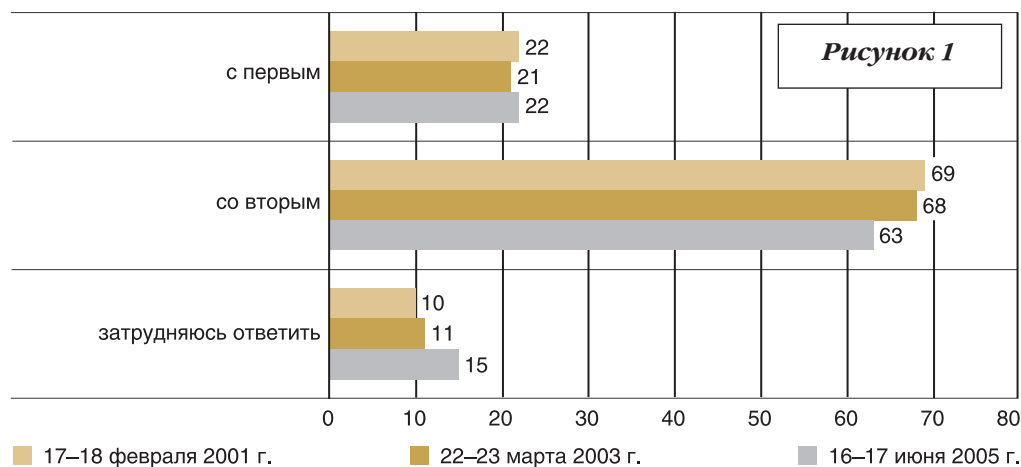
“Законов нет сейчас. Какой-то бардак. Тем более в таком бардаке очень много преступлений. Хаос просто творится сейчас” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Судя по результатам опроса, базовые установки граждан в отношении закона принципиально не меняются – сегодня, как и два, и четыре года назад, большинство опрошенных убеждены: россияне нарушают законы, потому что вынуждены это делать, а отнюдь не из-за того, что относятся к ним неуважительно (рис. 1). Подвижки, произошедшие за два года, довольно незначительны – сокращение на 5 пп. доли тех, кто говорит о вынужденности нарушения законов, не сопровождается ростом числа сторонников противоположной точки зрения (которых по-прежнему насчитывается очень немного).

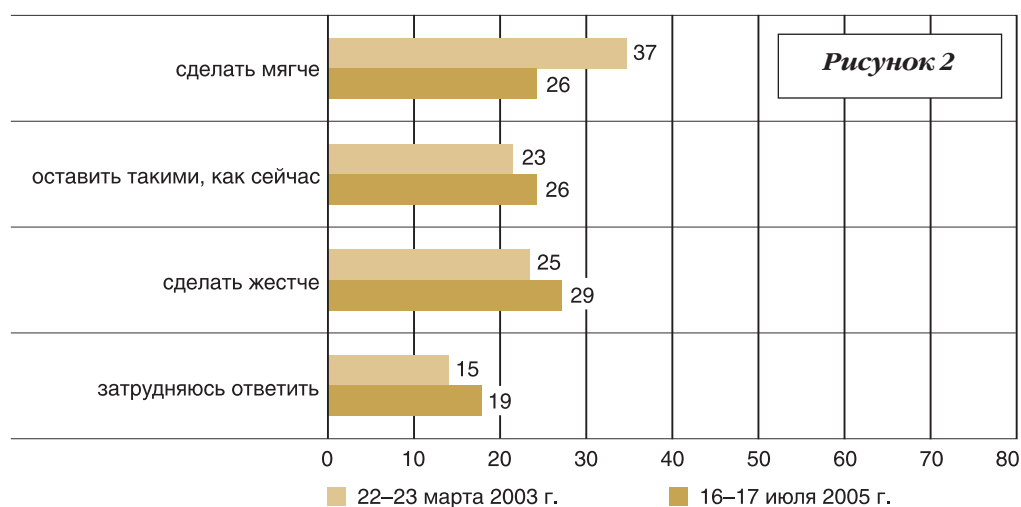
В то же время общая толерантность к людям, преступившим закон, в последнее время снижается. Так, доля тех, кто полагает, что наказания за незначительные уголовные преступления следует сделать мягче, по сравнению с 2003 годом сократилась, тогда как доля сторонников ужесточения наказаний выросла (рис. 2).

Интерпретировать эту динамику можно как уменьшение в обществе притягательности криминализированных моделей поведения – несмотря на усиление экспансии криминальной субкультуры в повседневную жизнь граждан. Возможно, эффективность структурирования общества с помощью нормативной системы преступного мира, особенно влиятельной в моменты ценностно-нормативной аномии, ослабевает по мере даже не столько преодоления ценностного кризиса (о коем

Одни считают, что россияне чаще всего нарушают законы, потому что относятся к законам неуважительно. Другие считают, что россияне чаще всего нарушают законы, потому что вынуждены это делать. С каким мнением – первым или вторым – Вы согласны?

Как Вы думаете, наказания за незначительные уголовные преступления следует сделать мягче или жестче, чем сегодня? Или их надо оставить такими, как сейчас?

говорить не приходится), сколько уже по мере упорядочивания правил игры в социальном пространстве. Упорядочивающим фактором становится прежде всего президентство В. Путина, власть которого признается легитимной, а действия (например, зачистка политического пространства, “укрошение” Государственной Думы, равноудаление олигархов, введение институтов полпредов и назначения губернаторов) интерпретируются рядовыми гражданами как усиление контроля власти над подведомственной ей территорией и одновременно – как артикуляция правил игры в социальном пространстве (а отнюдь не как закручивание гаек). Не случайно в заслугу нынешнему президенту россияне прежде всего ставят стабилизацию ситуации, наведение порядка и т.п.*. Кстати, любопытная деталь – респонденты, выражающие доверие действующему президенту, несколько чаще склонны разделять мнение, что законы в нашей стране нарушаются из-за массового неуважения к ним, чем те, кто нынешнему главе государства не доверяет или же доверяет лишь отчасти (табл. 1).

* См., например: Преснякова Л. Президентство Путина: что было? что будет? // Доминанты. Поле мнений. 2004. № 14 (<http://www.fom.ru>).

Каждый политик должен заботиться о больницах и тюрьмах, потому что он рано или поздно попадет в одно из этих мест.

Анджей Леппе

Таблица 1

	Все	Президенту России В. Путину		
		доверяю	отчасти доверяю, отчасти нет	не доверяю
<i>Одни считают, что россияне чаще всего нарушают законы, потому что относятся к законам неуважительно. Другие считают, что россияне чаще всего нарушают законы, потому что вынуждены это делать. С каким мнением – первым или вторым – Вы согласны?</i>				
С первым	22	28	19	15
Со вторым	63	56	69	67
Затр. ответить	15	16	12	17

По данным на июль 2005 года в России функционирует 985 пенитенциарных учреждений, из которых 198 – следственные изоляторы, 765 – колонии, 8 – тюрьмы, и 118 помещений, функционирующих в режиме следственных изоляторов и тюрем, 62 – учреждения для несовершеннолетних. Центр содействия реформе уголовного правосудия

Вполне возможно, что тенденция к легитимации власти может – в длительной перспективе – стать одним из факторов роста уважения к юридическим нормам и закону; по крайней мере, некоторому снижению влияния криминальной субкультуры на нормативную систему общества она способствует.

Пенитенциарная система и общество

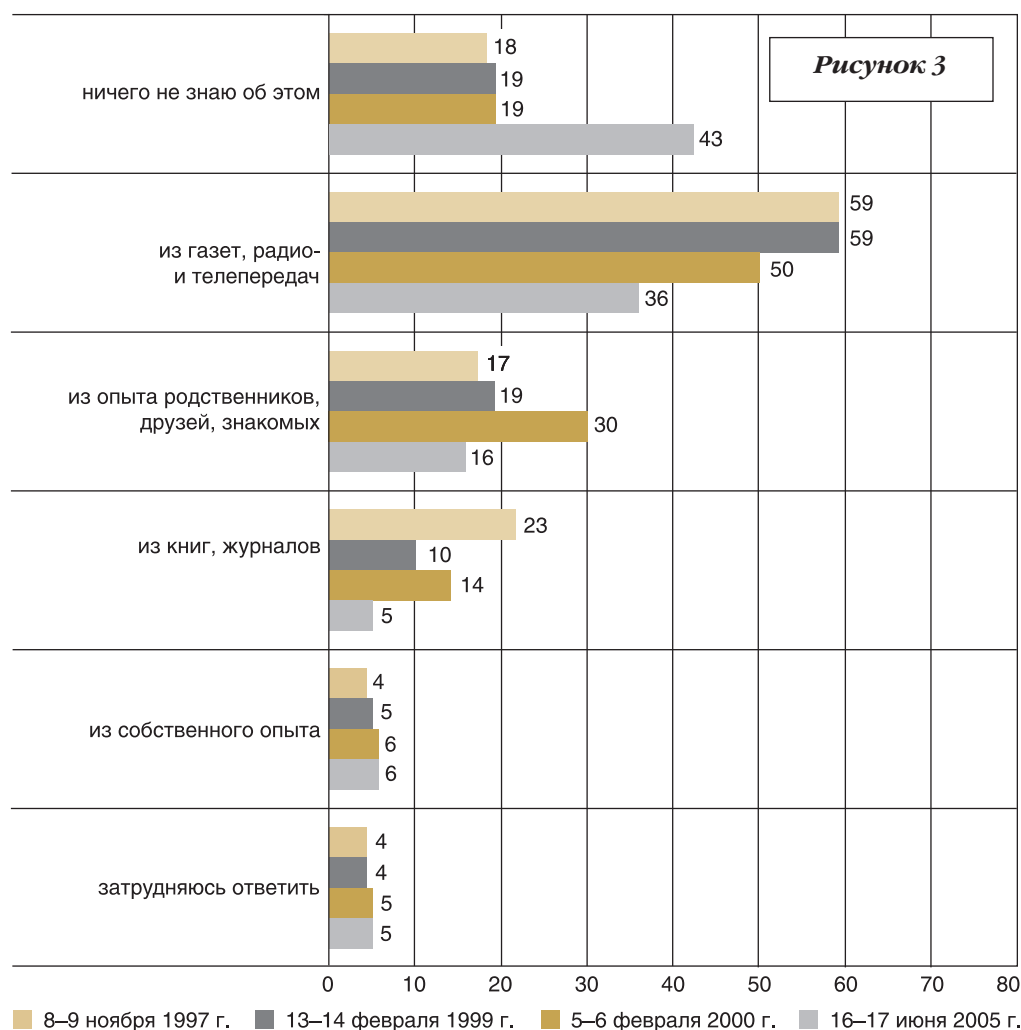
Если информация о криминальном мире и образе жизни все более масштабно проникает в российскую повседневность из множества источников, то сведения о том, как осуществляется наказание преступников, каковы условия и порядки содержания заключенных, судя по данным опроса, наоборот, доходят до респондентов все в меньшем объеме. За последние пять лет резко – более чем в два раза – увеличилась доля респондентов, отвечающих, что им вообще ничего не известно об условиях и порядках в тюрьмах и колониях. В то же время сократились доли тех, кто получает такого рода сведения из СМИ и литературы, а также из опыта – личного или ближайшего окружения (рис.3).

Приведенные данные явственно свидетельствуют о том, что роль масс-медиа и литературы как источника информации об условиях и порядках зоны снижается. Одно из возможных объяснений подобной динамики – изменение характера информационного потока на эту тему в российских СМИ (которые, как видно из данных, все же являются для респондентов основным источником сведений). Если в начале и в середине 90-х и СМИ, и художественная литература изобиловали тюремной проблематикой (особенно – рассматриваемой в контексте защиты прав человека), то в последние годы этот правозащитный акцент вообще практически исчезает из эфира, а объем сугубо документальной информации о положении дел в российских тюрьмах сокращается (как замечают участники фокус-групп, “раньше больше было передач... названия не помню, но это как фильмы были”), в то время как эфир заполняют художественные фильмы и сериалы на криминальную тему, романтизирующие образ преступника и старательно обходящие тему возмездия за преступление. Сокращается и число тех, кто получает подобную информацию от людей, имеющих непосредственный опыт заключения, – как уже отмечалось ранее, судя по всему, общение с такими людьми, равно как и информация из мест лишения свободы, становятся менее значимыми и интересными для россиян. Кстати, стоит отметить, что численность тюремного населения по сравнению с ситуацией пятилетней давности практически не изменилась: в 2000 году в российских тюрьмах содержалось чуть более миллиона человек (из них 282 тысячи находились в СИЗО*), сегодня эта цифра составляет 912 тысяч человек (из них около 150 тысяч находятся под следствием и ожидают вынесения судебного решения), что составляет около 0,8% всего взрослого населения Российской Федерации**.

* Статистика приведена по информации: Центр содействия реформе уголовного правосудия. Тюремное население России за последние 10 лет (<http://www.prison.org/penal/stat/doc010.htm>).

** См. Альманах “Неволя”. Приложение к журналу “Индекс/Досье на цензуру”. № 3. 2005.

Знаете ли Вы о том, каковы условия и порядки в тюрьмах, колониях, других местах заключения, и если знаете, то откуда у Вас эта информация? (Карточка. Любое число ответов.)

Те сведения об условиях и порядках в тюрьмах, которые сегодня доходят до россиян через СМИ, – это информация либо о хозяйственно-культурной жизни арестантов (их занятиях, хобби, религиозных практиках), либо о каких-то проблемах тюрем, бунтах заключенных.

“Вот о женских колониях тоже показывали – как они там спектакли ставят” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“По телевидению, да, вот про зону говорили... Что мужчина там или женщина страусов, что ли, разводят себе, подсобное хозяйство им разрешили сделать... Что-то они там шьют” (ДФГ, Москва).

“По Первому каналу я смотрела – я не помню, про какую тюрьму там говорили, но там разрешили даже тем, кто сидит пожизненно, креститься” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Иногда, действительно, вскользь по центральным каналам показывают, когда там какой-то бунт или что-то еще, серьезные какие-то события” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Между тем, судя по диалогам на групповых дискуссиях, сегодня россияне не только информированы о ситуации в тюрьмах и об условиях содержания заключенных, но и весьма неплохо осведомлены о правилах социальной организации зоны, ее вну-

Согласно статье 74

Уголовно-исполнительного кодекса РФ, в России существуют следующие типы пенитенциарных учреждений: тюрьма, колония-поселение, колония общего режима, колония строгого режима, колония особого режима, воспитательная колония, лечебные исправительные учреждения и СИЗО.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ. Статья 74. Виды исправительных учреждений

**“Золотое правило” тюрьмы –
уровень жизни в тюрьме всегда
должен быть ниже,
чем уровень жизни самого
низкооплачиваемого рабочего.**
Perrot M., “Preface”, dans Marchetti
A.-M., “Pauvretes
en prison”, Ramonville, Saint_Agne:
Eres, 1997

тренних законах и правилах (о которых они знают, кажется, куда больше, чем о содержании Конституции*).

“Там люди подразделяются... по ступеням: есть низшие, и есть как бы... такие нейтральные там вот, мужики, они живут своей жизнью. А есть там, допустим, блатные, они уже как бы решают вопросы вот эти общие. Если у кого-то какие-то проблемы создались... – он идет к блатным... Выше они это решают, как правильно, что, как поступить, кто виноват, а кто прав” (ДФГ, Москва).

“Я знаю, что более важные спят на первом этаже, “духи” – на втором. Кто вообще лохи, те вообще под первым спят. Самые плохие спят у парашки или вообще под кроватью” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Респонденты в большинстве своем убеждены: материалы о том, что происходит сегодня в российских тюрьмах, должны присутствовать в СМИ; их назначение – не только информирование, но и воспитание граждан.

“Я думаю, каждый нормальный человек должен знать, что у него в стране происходит. Поэтому можно и о тюрьмах посмотреть” (ДФГ, Москва).

“Это социальное явление. А любое социальное явление должно обсуждаться” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Это нужно показывать, чтобы они <потенциальные преступники> знали, что жизнь за решеткой – не малина” (ДФГ, Воронеж).

Что именно граждане знают об условиях содержания и порядках в местах заключения? Сегодня широко распространено мнение о плохих условиях содержания в российских тюрьмах, причем в течение продолжительного времени такие представления фактически не меняются** (рис.4).

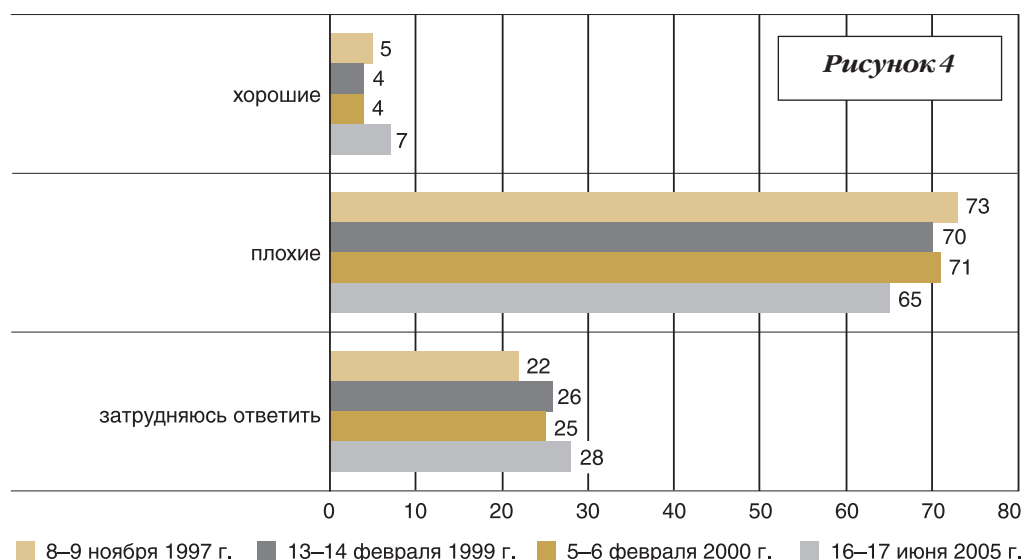
Любопытно, что о плохих условиях содержания в тюрьмах говорят не только подавляющее большинство осведомленных об этих условиях, но и почти половина заявивших, что они не знают, как у нас содержатся заключенные (48%).

Неудивительно, что две трети опрошенных (66%) убеждены: условия содержания людей в местах заключения необходимо улучшать, всего 16% думают, что этого делать не надо. Именно о плохих условиях жизни отбывающих наказание – плохом питании, тесноте и антисанитарии в камерах – чаще всего говорили респонденты, отвечая на открытый вопрос о том, какие проблемы российских тюрем, по их мнению, требуют скорейшего решения: *“содержат их там, как скот”*; *“голодом морят их”*; *“...обеспечение очень плохое, одежды нет”*; *“большое количество людей в камерах”*; *“мест нет, как крысы в мышеловке живут”*; *“нарушение санитарных норм”* (21%). Еще 6% говорили о проблемах со здоровьем у людей, находящихся в заключении, и о необходимости улучшать их медицинское обслуживание (*“со здоровьем заключенных не все в порядке”*; *“заболеваемость в тюрьмах”*; *“бороться с туберкулезом в тюрьмах”*; *“лучше следить за здоровьем в тюрьмах”*; *“медицинское обслуживание должно быть на уровне...”*). Так же часто (6%) говорилось о плохом обращении с заключенными – о жестокости по отношению к ним, *“нарушении прав личности”*, произволе работников тюрем (*“жесткий режим, беспредел властей и работников тюрем”*; *“охрана к заключенным относится жестоко, иногда издевается”*). Часть опрошенных (3%) предлагают *“загрузить осужденных работой”*, кто-то (2%) гово-

* Лишь 34% опрошенных, по их словам, знают содержание и основные положения Российской Конституции, еще 56% заявили, что не знают, и 10% затруднились с ответом. См. Отношение к Конституции РФ. Всероссийский опрос населения от 15–16 ноября 2003 года (<http://www.fom.ru>).

** В этом году респонденты стали чуть чаще затрудняться с ответом на этот вопрос, что неудивительно, поскольку возросла доля тех, кто, по их словам, ничего не знает об условиях содержания в зоне.

Как Вы оцениваете условия, в которых содержатся люди, находящиеся в местах заключения, – как хорошие или плохие?

рит о необходимости «смягчения условий содержания», а кто-то, наоборот, о недостаточно строгом режиме в тюрьмах (1%). По 1% опрошенных упоминают такие проблемы, как отсутствие воспитательной работы, недостаточная помощь в адаптации после заключения, отсутствие порядка в тюрьмах, жестокое отношение заключенных друг к другу, суровые ограничения на общение с близкими. Кто-то (1%) говорит о финансовых проблемах тюрем («отсутствие финансовой поддержки государства», «кадры – их не устраивает зарплата»), а кто-то – о взяточничестве работников («в тюрьмах за деньги создают преступникам прямо домашние условия»; «...процветает взяточничество»). Кстати, на фокус-группах очень многие говорили о том, что сегодня в исправительных учреждениях процветают коррупция, взяточничество, когда за деньги можно существенно улучшить условия содержания заключенных.

«Ну у меня брат был вот в Соликамске двоюродный... Ну, так скажем, присылает деньги, передают – значит, сидит хорошо. И все принесут – все что нужно» (ДФГ, Москва).

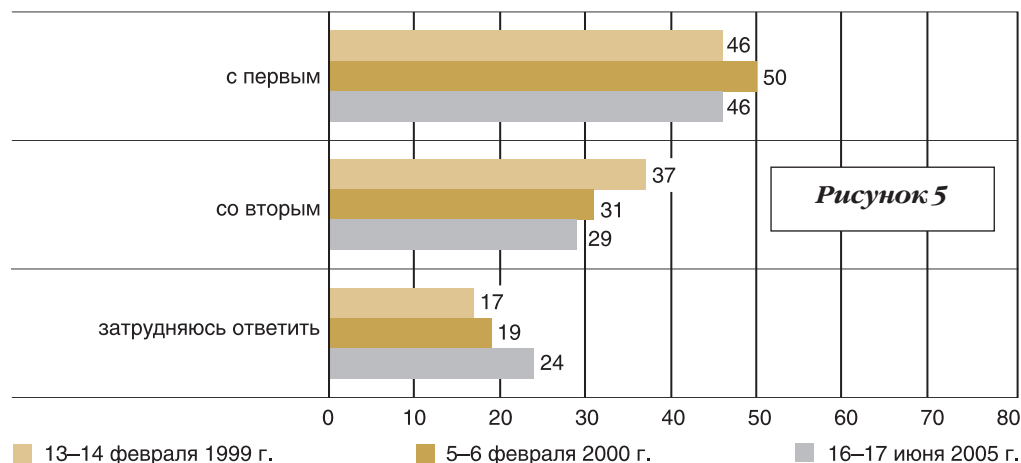
«Я считаю, что отношение к людям в тюрьме разное: у кого есть деньги, тот содержится, естественно, в лучших условиях, у кого денег нет – содержится, естественно, как скоты» (ДФГ, Санкт-Петербург).

Однако не стоит интерпретировать вышеприведенные данные как показатель распространенности в нашем обществе правозащитной ориентации, сочувствия заключенным или толерантности к людям оступившимся. Дело в том, что заметная часть граждан убеждена: жесткие условия содержания заключенных – это необходимая составляющая наказания (рис. 5).

Как видно из приведенных данных, со временем почти не происходит изменений в установках россиян по этому вопросу, лишь немного сокращается доля жестко настроенных респондентов. Следует отметить, что среди сторонников более мягкой позиции (главным наказанием для преступников является само лишение свободы) выше доля осведомленных об условиях содержания в тюрьмах: из средств

Одни считают, что главным наказанием для преступников является лишение свободы, а жесткие условия содержания в тюрьмах и колониях недопустимы. Другие считают, что для наказания преступников помимо лишения свободы необходимы жесткие условия содержания в местах заключения. С каким из этих двух мнений Вы согласны – с первым или вторым?

массовой информации (43% против 36% по выборке в целом), из опыта близких и знакомых (23% против 16%).

Однако даже респонденты, считающие жесткие условия содержания в тюрьме недопустимыми, далеко не всегда придерживаются такой установки по принципиальным соображениям. Отвечая на вопрос, следует ли наказывать заключенных, помимо прочего, и суровыми условиями содержания, многие респонденты актуализируют в своем сознании разные типы преступников и уже в зависимости от этого склоняются к более гуманной или более жесткой точке зрения. Один тип – люди, совершившие не тяжкие, по понятиям рядовых граждан, преступления, нарушившие закон по воле обстоятельств или из-за слабого характера и т. п.; другой тип – это совершившие тяжкие преступления или закоренелые преступники (убийцы, террористы, насильники, маньяки и т. п.).

“Смотря за что сел человек. Потому что если он случайно там, он в темноте наехал на кого-то там, он не преступник... Это несчастье с ним” (ДФГ, Москва).
“Салман Радуев... или там сидит... “Тракторист” кличка – один чечен, который там резал, вырезал... – он не человек, я считаю” (ДФГ, Москва).

И если по отношению к первым у респондентов преобладает сочувственное отношение – участники фокус-групп отмечают, что в их содержании “элементарные какие-то вещи должны быть, они такие же люди”, то “маньяки, убийцы” и совершившие тяжкие преступления, по мнению респондентов, “в худших условиях должны быть”^{*}.

“А он там сидит за изнасилование – что там у него, жизнь плоха? Понятно, естественно, что не на свободе. А почему у него там должна быть хорошая жизнь?... Он несет наказание. Ему не должно быть хорошо там” (ДФГ, Воронеж).

По мнению респондентов, любой комфорт для таких заключенных должен быть исключен; а искупать вину преступникам следует, выполняя тяжелую работу.

^{*} Любопытно отметить: многие участники ДФГ убеждены, что в российских тюрьмах сегодня люди, совершившие тяжкие и незначительные преступления, содержатся рядом, в одних и тех же камерах, поселениях и т. д.; только редкие респонденты вспоминают о том, что существуют просто колонии, колонии строгого режима и т. д.

“1-я участница: А его в тюрьму посадить – и удобства все. Обойдется он с удобствами! Пусть он там вкалывает!.. Нечего ему ТВ смотреть. Пусть он думает о душе своей.

2-й участник: Наказание он должен нести, не 8 часов работать. Или думает, что его государство прокормит?! Лежит на нарах, сигарету покуривает – ему говорят: “Обед, идите обедать”. Он пошел, пообедал – и опять на нары лежать... Его надо заставить по 12 часов работать, а не 8 часов” (ДФГ, Воронеж).

Такая установка по отношению к людям, отбывающим наказание, является не только проявлением нетерпимости – до некоторой степени она обусловлена и представлениями, согласно которым законопослушные люди не всегда могут позволить себе даже тот минимальный уровень комфорта, который обеспечен преступникам (подобное мнение не единожды озвучивалось в ходе дискуссий).

“В первую очередь нужно улучшить положение тех людей, которые добросовестно платят налоги, добросовестно работают, – а уж потом заниматься преступниками. А то получится так, что им телевизоры в каждую комнату поставят – а нормальные люди будут от голода пухнуть, кусок хлеба жевать” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Впрочем, даже респонденты, настаивающие на самых суровых условиях содержания заключенных, отрицают допустимость жестокого обращения с ними – так, участница групповой дискуссии в Воронеже, которая убеждена, что отбывающим наказание не должно быть хорошо в тюрьме, заявляет: “Я не за то, что их там надо избивать. Я совершенно не согласна с этим”. Вообще, значительная часть считающих, что помимо лишения свободы нужны также и суровые условия заключения, убеждена: условия содержания преступников необходимо улучшать (хотя доля таких респондентов в этой группе заметно меньше, чем в среднем по выборке (табл. 2).

“Это не должно быть курортом, там не должно быть хорошо, но в таких условиях, какие там сейчас, как говорится и показывается, – такого тоже быть не должно. То есть нужны, конечно, большие вложения и модернизация всех этих тюрем” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Безусловно, здесь нужно что-то делать для того, чтобы содержание в тюрьмах было достойно человека. Там все-таки находятся люди, а не звери, и содержать их нужно хорошо, а не так, как в нашем зоопарке. И это тоже в каком-то смысле воспитание: нормальный уровень жизни, нормальное жилье и нормальные бытовые условия – они способствуют все-таки формированию человека” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Так или иначе, большинство участников групповых дискуссий убеждены, что с функцией исправления преступников сегодняшние российские тюрьмы не справляются; более того, побывав однажды в таком “исправительном” учреждении, многие снова туда возвращаются, поскольку жить нормально уже не могут.

	Все	Считают, что	
		главное наказание для преступников – лишение свободы	для наказания преступников помимо лишения свободы необходимы жесткие условия содержания
Как Вы считаете, нужно или не нужно улучшать условия содержания заключенных в российских тюрьмах?			
Нужно	66	90	40
Не нужно	16	4	41
Затр. ответить	18	7	19

Таблица 2

коллаж Е. Русс

*“Исправлять этого человека, поставить на путь истинный – так как у нас бардак в тюрьмах, то он оттуда человеком никак не выйдет” (ДФГ, Воронеж).
“Но тюрьма как наказание – она многих не наказывает абсолютно и даже не исправляет, некоторых даже портит в конце концов. Есть такое, что он, побыв в тюрьме, он выходит оттуда действительно отморожком” (ДФГ, Москва).*

Некоторые участники групповых дискуссий полагают, что далеко не всех преступников можно исправить в принципе. Люди, совершившие тяжкие преступления, убеждены такие респонденты, не искупают свою вину, даже отсидев положенный срок.

“1-й участник: У меня вот близкий товарищ... – ограбили они фактически общего друга: они пришли ...и напоролись на его жену – ударили по голове, в подвал закинули и грабили. ...Но она в последний момент очухалась и увидела в этом проеме, чья машина и кто был за рулем. И он отсидел, отсидел хорошо, где-то семь лет, хотя ему дали 12...”

Модератор: Но он же искупил свою вину, разве нет? Он отсидел за свое преступление...

2-я участница: Это не искупается.

1-й участник: Нет, это не... я считаю, это не оправдание” (ДФГ, Москва).

“Искупить свою вину – разве можно? Вот террориста поймали, или вот разбойное нападение: 5 человек убили – дали по 10 лет, 8, 6 лет... Убили 6 человек, зверское нападение, ножами, молотками покромсали...” (ДФГ, Воронеж).

Есть и более радикально настроенные респонденты – они отказывают всей существующей ныне российской пенитенциарной системе в способности исполнять свои функции. На фокус-группах говорилось, что людей, совершивших особо тяжкие преступления, нужно отдавать на суд родственников пострадавших.

“Я за то, что нужно их отдавать на суд родственников. И я бы, наверное, ему не позавидовала, как бы они с ним обошлись. Если они ему простят, что он убил их сына, дочь, мужа, отца, то ради Бога, ему повезло. А если они ему не простят, тогда пусть они его убьют” (ДФГ, Воронеж).

Впрочем, стоит отметить, что такие реплики звучали относительно редко.

Итак, ни с функцией наказания, ни с функцией исправления преступников сегодняшняя тюрьма, считают россияне, не справляется; некоторые участники фокус-групп отмечают, что сегодня она служит только для устрашения: боязнь попасть за решетку удерживает кого-то от совершения преступления.

“Это просто как устрашение. Просто пресечение преступления того, что из-за боязни попасть в тюрьму, лишишь себя свободы” (ДФГ, Москва).

“Многие преступления пресекаются за счет того, что человек не идет на это, чтобы не сесть в тюрьму в конце концов” (ДФГ, Москва).

“Ну мне, например, воспитание позволяет “не убий” – я не убью. Но мне воспитание не позволяет “не укради у государства”, и единственное, что меня останавливает, – это тюрьма” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Однако совершенно очевидно, что в условиях столь масштабного присутствия криминальной субкультуры в ценностях и практиках всего общества современной тюрьме довольно сложно справляться даже с функцией устрашения. По мнению участников групповых дискуссий, воспитательную роль скорее может сыграть общение с людьми, побывавшими в заключении.

“Потому что, допустим, он может так же рассказать то, что там есть, что происходит. Человек задумается – тот же подросток, – что туда попадать, наверное, не стоит” (ДФГ, Москва).

Отмечается, что и общество должно делать шаги навстречу оступившимся гражданам, чтобы помочь им заново адаптироваться.

“Я считаю, что человек, который побывал там, конечно, никогда об этом не забудет. Но это совсем не значит, что надо ограничивать общение. ...И хотелось бы, чтобы все-таки наше общество зрело, зрело. И чтобы какие-то действенные шаги уже делали навстречу этим людям, чтобы помочь – большей частью, мне все-таки кажется, им можно помочь вернуться к нормальной жизни” (ДФГ, Санкт-Петербург).

В сегодняшнем российском массовом сознании сложился многоплановый образ побывавшего в заключении человека. С одной стороны, человек, имевший тюремный опыт, представляется респондентам агрессивным, озлобленным, обиженным.

“Отличаются – они более озлобленные” (ДФГ, Воронеж).

“Обида на общество” (ДФГ, Воронеж).

“Человек более раздражительный становится, более агрессивный” (ДФГ, Санкт-Петербург).

А у многих такой человек вызывает даже страх (*“Даже в лифт боимся сесть вместе – мы лучшие подождем, ...когда он проедет, потом мы”*).

Некоторые уверены, что люди, имеющие опыт пребывания в тюрьме, уже не могут и не хотят жить нормальной жизнью, становиться законопослушными гражданами.

“Если мы стремимся какую-то копейку, где-то что-то крутишься, вертишься... – у них этого нет, у большинства” (ДФГ, Воронеж).

“Честным трудом они работать не будут. ...Сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит” (ДФГ, Воронеж).

В то же время некоторые бывшие заключенные нередко вызывают сочувствие.

“Но есть такие, что вот он вроде пришел с тюрьмы, смотришь на него – и кажется: господи, да за что тебя-то посадили? ...Ну бывает, что человек совершает глупости просто, глупость какую-то – и садится, вот. И он эту ляжку как-

то протянул в тюрьме, он вышел, но ...я не скажу, что... он каким-то плохим стал” (ДФГ, Москва).

Таким людям, по мнению респондентов, сложно адаптироваться в нормальной жизни. *“Грубоватый, у него наколки на руках. Он стесняется, он не может устроиться на работу. ...Нет, паспорт у него есть – просто в паспорте какая-то пометка есть, что он сидел” (ДФГ, Москва).*

Есть и такие, кто считает, что среди бывших заключенных нередко попадаются талантливые люди – причем их таланты расцветают именно в тюрьме.

“Там обостряются таланты, которые заложены в человеке, и они там из хлебика что-то делают, что-то вытичивают. Это те таланты, которые здесь бы дремали, и никогда бы не было” (ДФГ, Москва).

Однако большинство опрошенных к людям, имеющим подобный социальный опыт, все же относятся отчужденно: практически все участники фокус-групп говорят, что бывшие “зэки” – люди не такие, как все остальные.

“Они живут по своим законам, которые они сами себе установили, тюремные какие-то – вот они по ним живут” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Вы знаете, есть люди, которые ...титилы имеют – там, “вор в законе” ...Он может так с вами разговаривать, что вы не поймете” (ДФГ, Москва).

Но даже несмотря на такое отчуждение, у многих респондентов бывшие заключенные и их опыт пребывания на зоне вызывают интерес, и это неудивительно: ранее говорилось, что сегодня такой социальный опыт воспринимается как значимый, ценный далеко не только для собственно криминального мира.

В целом же приведенные данные свидетельствуют о том, что сегодня, в условиях интенсивной экспансии уголовно-криминальной субкультуры в обыденную жизнь россиян, у социума остается немного каких-либо социальных ограничителей, позволяющих противостоять этой экспансии. Нормативная система преступного мира, активно ретранслируемая через СМИ и продукцию массовой культуры, находит благодатную почву в обществе, испытывающем дефицит социальных ценностей (ценностную аномию), а традиционное для российской культуры непочтительное отношение к формально-юридическому закону только облегчает такое “вторжение”: сегодня в представлении многих граждан именно воровской закон олицетворяет собой справедливость.

Одновременно тюрьма перестает восприниматься как пенитенциарный институт, призванный выполнять функцию наказания преступивших закон: сегодня исправительные учреждения видятся россиянам как еще одна проблемная зона, страдающая теми же недугами, что и общество в целом (коррупцией, невыносимыми социально-бытовыми условиями и в целом неэффективностью функционирования). Тюрьма перестает быть и “социальным ограничителем” влияния уголовной системы норм и ценностей на общество; более того, среди населения усиливается нетерпимость и неприязнь к уже осужденным преступникам на фоне отсутствия правового неприятия правонарушителей, находящихся на свободе и представляющих куда большую опасность для общества, чем заключенные.

Единственным фактором, который сегодня несколько снижает влияние уголовной субкультуры на повседневную жизнь россиян, становится рост легитимности политической власти в стране (что отличает правление Путина от президентства его предшественника), а внятная артикуляция властью правил игры в социальном пространстве предоставляет обществу возможность структурирования не по уголовным “понятиям”, а по иным нормам – разумеется, лишь в том случае, если между ними есть явные различия.

**Последние шесть лет
единственный герой нашей
страны – бандит. Современные
отечественные сериалы, за
исключением последних военных,
где стоят другие задачи, и почти
все российское кино от “Брата-2”
до “Антикиллера” и “Бумера”, все
наши хиты проката – это фильмы
про насилие. В эти дни на НТВ
каждый час представляют фильм
недели “Бумер” – один из
чемпионов прошлого года. Там
есть слоган: “Это не мы, это
жизнь такая”. Отсюда – мы все
бандиты, ничего от нас не
зависит и ничего кроме этого не
интересно.**

*Даниил Дондурей.
Террор: Война за смысл*